

КЛЯТВУ
ВЕРНОСТИ
СДЕРЖАЛИ

1812г.

«Клятву верности сдержали»: 1812 год в русской литературе //Московский рабочий, Москва, 1987
FB2: Isais <isais2005@yandex.ru >, 28 September 2012, version 1.0
UUID: FF1622C9-EC78-4F82-9BB4-CA4C9C85E910
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Андрей Ефимович Зарин

Бегство из плена

Из воспоминаний русского офицера о Москве 1812-го года.

Андрей Ефимович Зарин

Бегство из плена

(Рассказ офицера)

В плен меня захватили сейчас же после Бородина[1]. Мы отступили к Можайску. 29-го августа меня выслали на разведку. Выехал я с отрядом 16 человек и почти тотчас же был окружен неприятелем. Стал отбиваться, подомной убили лошадь, я упал и меня забрали. Оказался я пленником при корпусе Виктора.

Меня записали и отвели в сторону, где я увидел толпу своих товарищей по несчастью. На огромном пространстве, позади фур и зарядных ящиков, в цепи итальянских егерей, стояли, сидели и лежали пленники. Здесь были и офицеры, и солдаты, молодые и старые, здоровые и раненые. Ко мне тотчас подошли два офицера.

— Милости просим, — сказал один, здороваясь со мною, и мы познакомились.

Один был артиллерийским капитаном по фамилии Федосеев, а другой — поручик Волынского пехотного полка Нефедов. Один был толстый, плешивый, с седыми волосами, а другой — молоденький и очень веселый. Оба они были взяты в Бородинском бою.

— Нашего полку прибыло, значит, — ска-

зал Нефедов.

— Все-таки Бонапарту хвалиться нечем, — сказал Федосеев. — Смотрите! это все пленные чуть не от Смоленска! — и он указал рукою на все пространство, окруженное часовыми. На лужайке было примерно до пятисот человек. Понятно, это немного.

— Но ведь столько же в каждом корпусе, — сказал Нефедов.

— Пусть! будет тысячи 3, 4. Это всего! нечем хвалиться. Да что! — с жаром заговорил Федосеев. — Я, надо вам сказать, был взят на Шевардинском редуте[2]. У моего фейерверкера осколком ядра банник[3] вышибло, а банник меня по голове. Я потерял сознание, а тут меня и взяли. Когда я очнулся, редут наш взят, стоят в нем французы и между ними сам Наполеон. Слышу, говорит: «Много ли пленных?» — «Пленных нет», — отвечают ему (по правде, человек 20 раненых взяли). «Как нет, почему нет?» — «Русские предпочитают умирать, нежели сдаваться в плен». Наполеон даже потемнел. «Будем их убивать», — сказал он и отошел [4]. Нет, похвалиться ему нечем! — окончил Федосеев.

— Что же мы стоим. Пойдемте знакомиться да и закусить вам надо, — сказал Нефедов, и мы пошли по лагерю. У костра сидела группа солдат в оборванных мундирах и в белых парусиновых штанах, на которых видны были пятна крови. Почти не было между ними здоровых: у кого была перевязана голова, у кого рука, а двое лежали на земле, прикрытые шинелями.

— Вот, — сказал Федосеев, — эти умирают. Один раз сделали им перевязку и бросили.

Дальше была группа солдат и простых мужиков, среди них были чиновник и священник. Потом, тоже у костра, сидели офицеры. Когда мы подошли к ним, один встал и крикнул мне:

— Ротмистр Скоров! как вы попали? идите к нам!

Это оказался мой сослуживец, майор Кручкнин.

Мы поцеловались. В Бородинском бою он повел два эскадрона в атаку и не вернулся. Вахмистр видел, как он упал с коня. Все считали его убитым.

— А я жив, — объяснил майор, — меня

конь в грудь ударил, и я сознание потерял. Очнулся в плену.

Мы сидели у костра. Я познакомился со всеми, и меня угостили чаем.

— Это все наше, — сказал один офицер, — от маркитантки[5]. Пока деньги есть.

— Разве вам не отпускают довольства? — спросил я.

Кручинин махнул рукой:

— Нам полагается рис, галеты, кофе, порцион мяса, ром и полбутылки красного вина, но у них у самих нечего есть, и нам дают одни галеты.

— На Москву рассчитывают, — засмеялся Нефедов.

— Скажите, отдадут Москву? дадут еще бой? сильно мы пострадали? — посыпались на меня вопросы.

Я ничего не мог ответить.

Я знал только, что Кутузов решил дать бой 27-го августа, но ему донесли, что от второй армии осталась едва половина, и он приказал отступить. Знал, что убит генерал Тучков[6] и смертельно ранен общий любимец Багратион.

Рассказал все, что знал, и всем стало грустно. Все задумались.

Казалось, что Наполеон и вправду идет, как победитель, и легко может занять Москву.

В это время заиграли рожки.

— Это значит спать, — сказал Кручинин, — вы со мной! идемте.

Он поднялся и повел меня в свое помещенье. У него оказалась палатка. В ней копошился маленького роста коренастый солдат.

— Гаврюков, — сказал майор, — с нами еще один будет.

— Слушаюсь, — ответил солдат и оглянулся. У него было широкое, открытое лицо все в рябинах от оспы.

Он улыбнулся и сказал:

— Так что всем местов хватит.

Но в крошечной палатке места было мало. Мы легли на охапки сена, прикрытого попонами, головами друг к другу, а Гаврюков лег у самого входа в палатку.

Надвинулась ночь. В лагере все стихло, только время от времени доносились окрики часовых да ржание коней.

Я был утомлен и скоро заснул.

Так окончился день 27-го августа, мой первый день в плену.

На другой день, едва мы проснулись, как Гаврюков сказал нам:

— Сейчас выступают. Приказ был собираться.

Действительно, в лагере все было в движении. Мы напились чаю и сейчас же должны были идти.

Всех нас сбили в одну толпу, окружили теми же егерями, офицер сделал нам перекличку и затем скомандовал: «Вперед!»

Мы двинулись. Позади нас в неуклюжей фуре везли тяжело раненных.

Приключений с нами никаких не было. Обращались хорошо, и офицер, командующий конвоем, был поистине добрый малый. Он нередко присаживался к нашему костру во время остановок и очень мило беседовал с нами.

Он был пьемонец[7]. Маленького роста, живой, как ртуть, с смуглым подвижным лицом, с горящими глазами, он, когда разговаривал, то махал руками, делал гримасы и

сверкал белыми, как бумага, зубами.

— Отчего вы нам есть не даете? все галеты да галеты? — спрашивали мы его.

— Откуда возьму? — и он разводил руками, — у нас у самих ничего нет. Хорошо, если поймаем курицу. Солдаты едят конину.

— Куда мы едем? верно, скоро будет сражение?

— Сражение! Кутузов будет ждать нас под Москвой. Наполеон разобьет его, и мы войдем в Москву и заключим мир, — при этом офицер весело смеялся.

Звали его Карузо, Антонио Карузо.

Мы все возмущались мыслию, что Наполеон может занять Москву. Мы были уверены, что наша армия стеной заслонит священный город и в него можно войти будет только по трупам.

— Это будет страшнее Бородина, — говорил Нефедов.

— Наполеон, я уверен, не решится принять сражения, — говорил Федосеев.

То же думал и я, и все другие, но вышло не по-нашему.

30 августа мы в своей пленной семье от-

праздновали именины нашего государя, и славный Карузо не мешал нам даже кричать «ура!». В складчину мы купили рома, сахара, лимонов и сделали отличную жженку, на которую пригласили и его. Он пил с нами. Мы стали пить за победу нашего оружия.

Тогда он усмехнулся и сказал:

— Трудно!

— Почему?

— Потому что Наполеон непобедим. Это одно. А другое — мы очень хотим занять Москву. У нас нет совсем продовольствия, мы устали, нам надоело идти, и мы будем так рваться в Москву, что нас никто не удержит.

Расстались мы дружно. На следующий день снова пошли и 1-го сентября были уже недалеко от Москвы.

Сердца наши замирали и бились. Каждую минуту мы ждали, что вот-вот начнется бой, но до нас не доносилось не только пушечной канонады, но даже ружейного выстрела.

И вдруг вечером, когда Карузо окончил перекличку, он подошел к нам и, сверкая белыми зубами, сказал:

— Ну, завтра мы в Москве у вас будем! Ку-

тузов побоялся сражаться и увел свою армию. Она пройдет через Москву сегодня, а мы войдем завтра!

— Быть не может! — воскликнул Нефедов. Карузо пожал плечами и отошел.

На нас напал словно столбняк.

Если бы то был Барклай-де-Толли, мы бы но удивились, но Кутузов — избранник народа!..

Простодушный Гаврюков вернул мне утраченный покой. Когда перед сном Кручинин сказал ему про страшное известие, Гаврюков спокойно ответил:

— Наш дедушка знает, что делает. Надо быть, тут французам и крышка!

— Дурак ты! — крикнул на него Кручинин; но впоследствии Гаврюков оказался прав.

На другой день вечером мы входили в Москву. С утра в нее вошли войска Мюрата. Мы шли, и нас поражала пустынность улиц. Везде французские солдаты — и нигде ни одного русского.

— Надо быть, благородные французы всех разогнали. Поди разбойничают теперь, — ска-

зал Федосеев.

— Вы забыли Смоленск? — воскликнул Нефедов, — там жители оставили город. Здесь то же!

Сердце во мне затрепетало. Что бы я сделал? Я сжег бы дом и оставил его. Так сделал и каждый русский. Подошедший Карузо подтвердил догадку Нефедова.

— Вы удивительный народ, — сказал он. — С вами трудно воевать. Жители бросили город, императора никто не встретил, все дома заперты, а по улицам бегают выпущенные из тюрем.

Мы невольно улынулись.

— Смотрите, а что это? — вдруг крикнул один из наших.

Мы оглянулись.

В стороне Китай-города[8] к небу подымались клубы дыма и сверкало багровое пламя.

— Пожар!

— Это мы сжигаем свой город, — сказал торжественным голосом Нефедов.

— Вы дикари! — закричал Карузо и поднял руки кверху.

Нас поместили сперва в чьем-то доме на

Петровке, но скоро весь квартал охватило пламенем, и нам пришлось спасаться.

Карузо завел нас в маленькую каменную церковь св. Мирония.

— Здесь не сгорим, — сказал он и велел устраиваться.

Душа возмущалась, сердце горело. Этот Карузо расположился со своим лейтенантом и двумя сержантами в алтаре. Престол они обратили в стол, в священные сосуды наливали вино и пили. Солдаты не отставали от них. Они вешали на углы образов свои мундиры, к святым ликам прислоняли ружья, на плащаницу сложили свои ранцы.

Пленные солдаты крестились и говорили:
— Накажет их господь!

В душе каждого кипело негодование.

Я, собственно, хотел рассказать про свой побег, а не про плен. Все знают, что делали французы во время своего месячного пребывания в Москве. Как горела Москва, как грабили город, как среди обилия и богатства французы нуждались в хлебе, как прекрасная армия обратилась в шайки разбойников без

послушания, без уважения к начальникам.

Это все знают.

У нас церковь скоро превратилась в какой-то огромный склад всевозможных вещей. Чего не притаскивали с собой солдаты и даже сам Карузо. Часы, канделябры, шубы, шали, платья, страусовые перья, посуду, картины, скрипки — все, что могли найти в богатом доме; и тут же — головы сахара, банки варенья, бутылки вина, пряники, кофе, изюм, пастила, горчица, сардинки, кожи, чай — словом, все, что могли найти в кладовых и лавках. Все, кроме хлеба и мяса. Была колбаса, ветчина, копченая рыба, да и то — первые две недели. Потом уже ели пряники и коврижки. Кто находил мешок муки и картофеля, почитался счастливецом.

По ночам у нас в церкви происходили сцены, каких нельзя выдумать.

В паникадилах[9] зажигали свечи. Сам Карузо, заходившие к нему офицеры и сержанты устраивали пьянство. Напившись пьяны, они наряжались в шубы, шали, богатые платья и устраивали танцы под звуки кларнета.

На нас не обращали никакого внимания.

Только стерегли. Мы были постоянно голодны.

Карузо, когда не был пьян и не уходил на грабеж, разговаривал с нами, но веселость его исчезла.

— Вы совсем дикие люди, — говорил он, — и не умеете воевать. Теперь вам надо заключить мир, а вы словно умерли. Что делать нам? Черт возьми! Я не для того шел сюда, чтобы издохнуть с голоду или замерзнуть! — и он сердито сверкал черными глазами.

Кручинин говорил: «А ведь наш Гаврюков прав. Дедушка знал, что делает!»

7-го октября к нам вошли офицеры и какой-то генерал. Карузо достал список с нашими именами и стал читать; генерал делал отметки и отдавал приказания. Потом ушел. Оказалось, нас для чего-то разделили на четыре части и каждую, одну за другой, повели из церкви, а потом из Москвы. Мы простились с Карузо. В партии, в которую я попал, со мной остались Кручинин, Гаврюков и Нефедов.

Мы не знали, куда теперь решили идти французы, по видимо было, что они отступа-

ют. Во всех движениях была какая-то лихорадочная поспешливость.

— Идите, идите! — кричали нам и отставших били прикладами, а потом — мы узнали — просто убивали всякого, кто не мог поспеть. А таких было много. Все мы отощали от голода. Почти со всех нас солдаты стащили сапоги, и мои ноги были покрыты царапинами и ссадинами. Кручинин наколол ногу щепкой и хромал. Здоровых почти не было.

Почти бегом французы дошли до Фоминского. Кручинин уже не мог идти, и я с Гаврюковым его тащили.

Вдруг все остановились. В войске заметно было какое-то смятение. Раздались выстрелы, Гаврюков как-то сразу загорелся.

— Ваше высокородие, сраженье, — сказал он, — бежим к нашим.

Он словно угадал мои мысли. Уже в Москве я замышлял побег.

— Как побежим, — ответил я, — майор совсем идти не может.

— А я его понесу. Будьте без сумления.

— Но как же мы убежим?

— А я, ваше высокоблагородие, буду мо-

мент ловить.

— Лови! — согласился я и подошел к Кручинину.

Он лежал. Нога его распухла и была завернута в тряпки. Я сел подле него и передал слова нашего солдата.

— Я согласился, потому что и тяжело быть в плену, а здесь и омерзительно. Все равно, мы изнеможем, и нас убьют где-нибудь на привале, — окончил я.

Майор только простонал.

— С богом! — сказал он.

— Как с богом! мы тебя не оставим.

В это время канонада усилилась, несмотря на то, что уже начало смеркаться.

В лагере никто не думал о сне. Звучали трубы, гремели барабаны, раздавались команды. Время от времени уходили полки и отряды.

Уже ничего не было видно. Надвинулась ночь. Я сидел подле майора и ждал верного Гаврюкова. Он появился неслышно.

— В самый раз, ваше благородие. Идем! — проговорил он.

Я вскочил на ноги.

— Майор, подымайся, идем! — сказал я.

Кручинин махнул рукою.

— Я вас свяжу только. Идите одни!

— Ты с ума сошел! вставай и иди! мы поможем!

Я приподнял его и взял под руку.

— Веди! — сказал я Гаврюкову.

— Тут, ваше благородие, потихоньку надо, а потом ползком, а там бегом, — проговорил он.

— Ну, веди! видно будет.

И мы пошли. Впереди подвигался Гаврюков, которого я едва различал в темноте, за ним — я с Кручининным.

У черты нашего стана пылал костер, усиливая темноту ночи, и вокруг него сидели наши часовые, о чем-то оживленно беседуя.

Мы прошли мимо них. Впереди предстояло самое трудное: надо было пройти через две цепи часовых.

Мы крались, как кошки.

Кручинин мог идти потихоньку и поэтому не затруднял нас. Гаврюков шел уверенно и смело. Я не знал, куда мы идем, но видел, что костры неприятеля все понемногу отодвига-

ются влево.

Вдруг послышались голоса и шаги.

— Ложись! — прошептал Гаврюков, и мы тотчас растянулись на земле. Я попал в холодную лужу.

Чуть не касаясь нас, прошло несколько солдат.

Один говорил:

— Завтра горячо будет! император решил пробиться.

Другой ответил:

— Наши, говорят, уже взяли. Надо удержаться только.

Это они говорили про первый бой у Малоярославца.

С этими словами они скрылись, а мы еще минуты две лежали как трупы. Гаврюков толкнул меня.

— Теперя ползком и в случае чего — на-земь, — прошептал он.

Мы поползли. Он, вероятно, успел хорошо узнать дорогу, потому что смело полз вперед, завел нас в какой-то овраг, заставил пробираться через кусты и, наконец, сказал:

— Вот и вышли!

Даже не верилось. Неужели мы на свободе? Я вскочил на ноги и помог майору подняться. Он встал с легким стоном.

— Теперь бежать надо, — сказал Гаврюков, — французский лагерь мы оставили, а только тут они кругом шмыгают. Пока до света уйти надо.

Я подхватил Кручинина, и мы пошли, но скоро он застонал и опустился на землю.

— Не могу. Бегите одни.

— Глупости! мы тебя потащим!

— Пожалуйста, ваше благородие! — сказал Гаврюков, нагибаясь и подставляя спину. — Помогите им ухватиться! — сказал он мне. Я помог. Кручинин охватил его плечи руками. Гаврюков поднялся.

До сих пор я изумляюсь, откуда у этого малорослого солдата взялась такая сила!

Мы пошли снова. Шли какой-то полянкой, потом рощей. Гаврюков обессилел и остановился.

— Отдохнем!

Мы все опустились на траву.

Было холодно. Наступал рассвет, и ударил утренний мороз. Все кругом было покрыто бе-

лым инеем. Мы буквально щелкали зубами, но развести костер нельзя было и думать.

Вероятно, я задремал, потому что вдруг увидел яркое осеннее утро, не заметив постепенного рассвета.

По поляне во весь опор мчалась кавалерия, а за нею с грохотом везли пушки.

Вдали раздались выстрелы.

С французского лагеря слышались звуки горна.

— Рощей и пойдем, — предложил Гаврюков. Кручинин поднялся сам, и мы поплелись. Гаврюков по дороге разыскал сук и дал его майору вместо костыля.

Впереди нас разгорался бой.

Мы слышали треск ружейных выстрелов и грохот пушек.

Вдруг прямо перед нами показался казачий отряд.

Я думаю, в этот момент мы испытали то чувство, которое испытывают потерпевшие крушение, увидев в море корабль.

Гаврюков побежал, махая руками, и закричал не своим голосом. Один из казаков нас заметил, и отряд поскакал к нам.

Плен окончился.

Я знаю, что рассказал нескладно, потому что я — солдат и мне легче владеть саблей, чем пером, и управлять конем, нежели речью.

Пусть всякий воображением своим дополнит пережитое мною в плену и в ночь нашего бегства.

Примечания

1

Бородинское сражение состоялось 26 августа
(7 сентября) 1812 г.

[^^^]

2

Бой у Шевардина был 24-го августа. Французы
взяли этот редут. *(Примеч. А. Зарина.)*

[^^^]

3

Банник — артиллерийская принадлежность, цилиндрическая щетка на длинном древке для чистки (банения) и смазки канала ствола орудия, а в то время и для заряжания.

[^^^]

4

Исторически верно. Этот разговор записан у
Сегюра. *(Примеч. А. Зарина.)*

[^^^]

5

Маркитанты — торговцы съестными припасами и предметами солдатского обихода, сопровождавшие войска в лагеря, на маневрах, в походах и во время войн.

[^^^]

6

...убит генерал Тучков. — Речь идет, по-видимому, о Тучкове 4-м Александре Алексеевиче.

[^^^]

...он был пьемонец — уроженец Пьемонта — северо-западной области Италии.

[^^^]

Китай-город — исторический район Москвы, включавший Красную площадь и кварталы, примыкавшие к Кремлю.

[^^^]

Паникадило — в православном храме — свисающая с потолка люстра из множества свечей и лампад.

[^^^]